

84(2Рос-Рвс)6
К 89

Анатолий
КУКАРСКИЙ

ПОЗДНЕЕ
ЛЕТО

КОНТРОЛЬНЫЙ ЛИСТОК СРОКОВ ВОЗВРАТА

КНИГА ДОЛЖНА БЫТЬ
ВОЗВРАЩЕНА НЕ ПОЗЖЕ
УКАЗАННОГО ЗДЕСЬ СРОКА

Колич. пред. выдач.

--	--

3.11.11
84/2Poo = P.20/6
K 89

Анатолий КУКАРСКИЙ

ПОЗДНЕЕ ЛЕТО

Стихи

→

с/И

Средне-Уральское
Книжное Издательство
Свердловск 1972

- 90405/1 -

7-4-2
45-72

Российская Федерация
Тюменская область
Муниципальное автономное учреждение культуры
«Централизованная городская
библиотечная система»
ИНН 7204037883

625001, г. Тюмень, ул. Луначарского, д. 51/3

Анатолий Степанович Кукарский по профессии журналист. После окончания Уральского государственного университета он работал в областных газетах Кургана и Тюмени, много ездил по северным районам Тюменской области, был свидетелем и очевидцем открытий богатейших нефтяных и газовых месторождений Западной Сибири. Несколько лет, работая собкором по Ямало-Ненецкому национальному округу, жил в городе на Полярном круге — Салехарде. На севере же, в поселке Октябрьском, прошли и детские годы поэта. Здесь, на берегах могучей Оби, зарождались первые поэтические образы, навеянные красотой сурового края, первозданностью его природы, самобытностью его людей.

Этому посвящены многие стихи А. Кукарского.

«Позднее лето» — третья книга поэта.

Я сегодня до ночи
Затеряюсь в лесу,
Три заветных листочка
Я друзьям принесу.
А как первый — осиновый —
Не напоказ,
Чтобы трепет в душе
Никогда не погас.
А второй я возьму
У знакомой ольхи,
Чтобы не было сердце
Немым и глухим.
А как третий листочек —
Березовый лист,
Чтобы помнить навеки —
Чему поклялись

РУССКИЕ ЧАСТУШКИ

Виктору Бокову

Небо ясное не хмурится,
У мира на виду
По широкой сельской улице
Частушечки идут.
За березовым за кружевом
Платочками взмахнут,
То притопнут, то закружатся,
То горестно вздохнут...
Под окошечком подружечки
На лавочке сидят...
Сколько помню вас, частушечки,
Столько помню я себя.
Сколько помню — понимаю:
Не задержится рука —
Балалайку поломаю
Об худого игрока.
Я его, такого идола,
Так, аж выгнется спина!
Я ведь сам когда-то игрывал
На певучих трех струнах.

Не чужого роду-племени —
Все повязаны судьбой...
И гудели ветры времени,
Ожидание и боль.
Под окошечком подружечки
На лавочке сидят...
Сколько помню вас, частушечки,
Столько помню я себя.
Никакой не зная корысти,
В вас душа моя поет.
Ваши радости и горести —
Все до капельки мое!
В вас, как в сердце, отражается
Череда торжеств и бед:
И багровые пожарища,
И сияние побед,
И торжественная музыка,
И смешливый перезвон...
Широта такая русская —
На полный горизонт!
Пусть вовеки не забудется,
Как у мира на виду
По широкой русской улице
Частушечки идут!

ПОДГОРНА

Эх, подгорна, ты подгорна —
Как гармошки всхлипывали!
По тебе ходил я гордо —
Сапоги поскрипывали!

Не укрыться от судьбы-то:
Стал как гость непрошенный я.
Все закрыто, все забыто,
Потому что — прошлое.

Ты вскормила и взрастила,
Будто сына милого.
По дощатому настилу
В дальний город вывела.

Песни все дала в наследство —
От большой до маленькой...
Только сыну стало тесно
Меж твоих завалинок.

Видно, сын не понимает
Широту души твоей.

Потому и боль немая —
Боль за пережитое.

Но когда охрипнет горло,
Станет петься наскоро,
Ты прими меня, подгорна,
Без обиды,
Ласково.

БАЛАЛАЕЧКА

Тише, музыка электронная,
Тише,
    требую тишины!
Задушевные пальцы тронули
Балалаечку — три струны.
Три струны —
    над сосновой декою.
Над Сосновкою —
    три звезды,
Где припевки бросают девочки
В созревающие сады.
Балалаечка,
    балалаечка,
Струны на струны перемножь:
Все на свете как полагается —
Либо солнечно,
    либо дождь...
Только в сердце опять оттаяли
Три негромких твоих струны,
Словно мартовские проталинки
В зимнем небе моей стороны!

Опять душа несмело просится —
Как будто нет важнее дел! —
Пойти знакомой светлой просекой
Искать в тайге вчерашний день.
Такой улыбчивый и солнечный,
К закату голову склоня,
За остывающими соснами
Он с нетерпеньем ждет меня.
И мне совсем не надо вечности —
Мне б только так всю жизнь прожить,
Чтоб с каждым днем по-человечески
Тепло и преданно дружить.

ПОЗДНЕЕ ЛЕТО

Сколько стало простора и света,
Предрассветная тень позади.
Зоркой мудростью, позднее лето,
Мне дорогу мою освети!
Я пойду, доброту понимая,
Слеп и глух к суете и вражде,
Как за юными грозами мая
Спелый шелест июльских дождей.
И, по жилам внезапно ударив
Всей своей правотой и виной,
Пусть меня состраданьем одарит
Августовского солнца вино.
Все в свои исполняется сроки:
Зреет колос и падает снег...
Пожелайте мне доброй дороги,
По которой приходят к весне...

Дождик сыплет и часто и густо,
Небо в шапке до самых бровей,
И кричат запоздалые гуси,
Пролетая над крышей моей.

Пусть попутный догонит их ветер
И проводит до солнечных дней...
Гуси, гуси, на память о лете
Оброните хоть перышко мне!

Российской речи
Волна звучала,
России реки —
Мое начало.
Оно вздымалось
Легко и вольно
И называлось
Рекою Волгой.
Оно взрывалось
Волной тугою
И называлось
Рекой Тоболом.
И не от них ли,
От рек России,
Я бровью черный,
Глазами синий.
Мои ладони
Мозоли носят:
Ладони помнят
Упругость весел!
А эта проседь
Над крутобровьем
Взята под осень
Над самой Обью!

Как я давно в краю родимом не был —
От здешних мест на северо-восток,
Где пламенеют сполохи на небе
Под голубой Полярною звездой.

В столбцах газет
О нефти да о газе —
За той чертою,
Где полярный круг.
А мне сейчас хотя бы в четверть глаза
Необозримость всю
Окинуть вдруг.

Вот так всегда:
Чем дальше, тем крупнее
Черты забывающихся дней...
И верно: чем труднее, тем роднее.
А может, чем роднее, тем трудней.

Робеет ли осинка, чуя осень,
Крадется ль зверь — запавшие бока,
Качается ли на забытом плесе
Задумчивая лодка рыбака,
Теплом молочным медленное стадо
Вздохнет ли на закате мне в лицо —
Мне трепетно и так тревожно станет...
Но этим я и жив, в конце концов.

Это там, в глухомани,
Непролазная топь.
Тихо дремлет в тумане
Светлоглазая Обь.
И, как витязи, кедры.
Их не старят года.
Неприручены ветры,
Непокорна вода.
Это там, в глухомани,
Людей голоса
В предрассветном тумане
Разбудили леса.
На плакучие росы,
Будто очень устав,
Пали гордые сосны,
Чтобы городом встать!

СМЕРТЬ ОХОТНИКА

Ну, о чем там еще балакать?
Жизнь костром изошла на нет:
Помирает старик Балакин
На десятом десятке лет.
Все равно напоследок горько.
Хоть годок бы — денек ко дню!
Укатали крутые горки,
Заманули, как в западню...
Эх, еще подышать бы надо —
Хоть от вдоха по полвершку!
Да на белку с косматой Найдой
По январскому по снежку...
Да и мало еще чего бы
Во как надо — хоть к горлу нож!
Только тут, как со счетоводом,
Дым и копоть не разведешь.
Призапали виски седые —
Жизнь справляет сполна закон.
Неулыбчивые святые,
Не мигая, глядят с икон.
Ведь ни кланяться, ни молиться

Было некогда старику...
В окна сыплет закат малиной.
Лодка сохнет на берегу.
Журавли в поднебесье тужат.
С понизовья дожди идут...
Над протоками листья кружат:
Будто ищут,
Да не найдут...

В ОБСКОЙ ГУБЕ

Ощетинились щеки, обветрели губы,
Август в алых закатах
Вконец отзарел.
И колышется небо
Холстиною грубой,
От туманов до ниточки отсырев.
И качает волна неуютный наш кубрик,
Все качает — не может никак укачать.
И усталые парни все курят и курят,
И на койках ворочаются по ночам...
Прославляют рапсоды рыбацкое хобби
У витрин магазина «Морские дары»...
Нас то ливнем окатит,
То снежные хлопья
Зароятся как белые комары.
Как жестянка, гремит задубевшая роба,
Не поевши, ее ни согнуть, ни сломать.
А на базе опять
Не найдется «коробки»,
Чтоб до нашего сейнера
С хлебом сгонять.

Не тащиться же рейсом порожним обратно!
Нагружаемся рыбой до пояска...
А на базе поговорим аккуратно,
Чтоб никто среди нас
Дурачков не искал.
Кого надо,
За эту «заботу» открестим,
Не теряя достоинства, не грубя.
Но как радостно будет
Встречать нас оркестрик,
То ли марш, то ли вальс
на причале трубя.

Мы сурово и чинно
Пойдем за расчетом,
Напряженно смешинки во взглядах гася,
На знакомое зеркало — Доску почета —
Из-под хмурых бровей
Незаметно кося.

БАЛОК

Над ним клубились тучи серые,
Он под дождем осенним мок...
Предел комфорта. Чудо Севера —
Тесовый струганый балок!
В нем сохнут валенки и ватники.
И в нем храпят бородачи.
И в нем гитара с красным бантиком
Простудным голосом ворчит.
Ее терзает рыжий Васенька,
Хоть Иванов, но не Крамской.
Шестые сутки катавасия,
Шестые сутки выходной.
Вот ничего себе — поробили!
Аж злость пронзает до подошв —
По той причине, что на профили
В пургу такую не пойдешь.
Качалась лучше бы над Диксоном,
Как рыжий Васенька поет...
Прораб по взрываю
Космы тискают
Над твердым графиком работ:

Предусмотри тут все заранее!
Прораб на Ваську глаз косит:
Мол, ты, конечно, дарование,
Но лучше кашей закуси.
Пурга все бесится и бесится —
Блаженствуй, лежа на боку.
Аукнул план второго месяца,
Ни за понюшку табаку...
Застряли темпы поисковые
В насквозь проснеженных ночах...
Но я прошу тебя, история,
Об этом факте умолчать.

КАРЛИКОВАЯ БЕРЕЗКА

И чахлой, и слабой — ей трудно
Листочек нести золотой
Над этой дымящейся тундрой,
Над вечной ее мерзлотой.

Согнул сиверок ее лютый.
Коротенький ствол узловат...
Учитесь, хорошие люди,
И в ней красоту узнавать!

ВИТЬКА СПИРИДОНОВ

Как они мелькают —
Лица и события.
Время закрывает
Вслед за ними шторы.
Но Витьку Спиридонова
Не могу забыть я:
Первым был поэтом
В нашей средней школе.
Помню —
На обличье аж голубоватый.
Никогда не видел
Я тощее шеи.
Из фуфайки драной
Вылезала вата,
Потому заплата
На штанах нужнее.
Время через годы
Нужное просеет.
Снова непогода
По сердцу подула...
Из-под крутобровья,
Словно бы прицелясь,

Яростно смотрели
    Два огромных дула.
Стрелят — так дуплетом.
    И угаснут вместе.
Было, что навывлет
    Душу пробивали.
Потому у Витьки
    Песни были. Песни!
Песни те,
    Которых люди не певали.
Взгляд куда-то поверх,
    Принахмурит брови
И качнется,
    Будто незрелый колос.
Вспрянет, как подранок
    По-над хмурой Обью,
С непонятной дрожью
    Неокрепший голос.
И ударит в сердце —
    Никуда не деться.
И слеза наружу
    Хочет попроситься...
Вдоль войны навовсе
    Уходило детство,

Уходило,
    с нами
Позабыв проститься.
    Мне навстречу выдь-ка,
Витька Спиридонов,
    Спиридонов Витька,
Парень из детдома!
    Есть ведь что нам
        вспомнить.
Мы бы вместе спели.
    Сколько нам? По сорок?
Мы с тобой погодки!

Помню, в сорок пятом,
    В пасмурном апреле,
Как огонь лучину,
    Изожгла чахотка...

Витька, Витька, друг мой,
    Мне он не ответит...
Знал бы он, как трудно
    За двоих на свете!

ПОСЛЕДНЯЯ ЗАПИСЬ
В ПОЛЕВОМ ДНЕВНИКЕ

Памяти геолога
Станислава Орлова
посвящается

Что же, друг мой,
Пока.
Что же, друг мой,
Пока!
Не придется
Выращивать розы на пенсии.
Пятый день
Допевает седая пурга
Над моей головой
Колыбельную песню.
Все. Закончен маршрут.
Я до точки дошел.
До огня не дошел —
Знать, судьба не хотела.
Я, наверно, к утру
Распрощаюсь с душой,
Что оставит в сугробе
Промерзшее тело...

Чтоб за эти минуты
По праву воздать,
На бездымном,
На самом высоком накале
Надо мною навеки
Зажжется звезда —
Та, которую люди
Полярной назвали.

Жаль,
Что мне не придется
Услышать речей:
Стал таким я хорошим
Лишь в смерти, не раньше!
Жаль,
Что мне не придется
Услышать ручей,
Что в июне проклюнется
В этом овражке.
Жаль,
Что я не увижу
Ни южных морей,
Ни рассветов,
Горящих как рваные раны.

От отчаянья
Можно сейчас умереть!
Только мне еще рано.
Только мне еще рано.
Только мне еще надо
Проститься с тобой.
Но лица твоего
Я не вижу, не вижу...
Только твой силуэт,
Будто струнка, тугой.
Подойди же ко мне.
Подойди же поближе!
Ах, как пахнут
Прогретой сиренью года,
Где одно ожидание тихого лета!..
Но куда ты уходишь?
Куда ты?
Куда?
Ведь еще до рассвета —
Не меньше столетья!
Ну не надо, не надо
Так сильно пугать...
Ты сегодня побудешь со мною,
Родная?

...Ах, какая пурга!
Разве это пурга?
Это тополи пух свой
На город роняют!
Ты прости.
Ты прости!
Мне разлуки прости.
Ты прости мне,
Что встречи бывали нечасты.
Только в этой дали
Я сегодня постиг
Уравнение
Человечьего счастья.
Сколько в нем
Неизвестных больших величин!
И ничтожных совсем,
Но знакомых до боли.
Перед смертью
Душою нельзя мелочить.
Перед жизнью —
Нельзя мелочиться тем более.
Стал таким я разумным...
Ну, это ль не смех?
Только мне уж раздумье

Теперь не наскучит.
Мне обидно и горько
Признаться, что смерть
Меня жизнь понимать
Не ко времени учит.
Ну, а коли уж так,
Надо помнить уметь,
Что живым, уходя,
Оставляешь в наследство.
Ведь любому из нас
Предстоит умереть
И взглянуть, умирая,
На жизненный след свой.
Все...
Я мыслью не в силах
Шевельнуть от усталости...
Я сегодня впервые
Со всеми на «ты»...
...Пусть на каждую душу живых
Не останется
Ни земной,
Ни людской,
Ни любой
Мерзлоты!

У ног моих
Сбегает берег круто
К весенней ослепительной воде,
А надо мной —
Серебряные трубы
Взволнованных свиданьем лебедей.
О лебеди!
Какие пели весны!
Какой из сердца
Вырывался свет!
И солнце мне
Протягивало весла,
Чтоб я за вами плыл по синеве.
Опять весна крыло вздымает круто.
Не знаю: счастьем быть или беде.
Зовут, зовут
Ликующие трубы
Поднявшихся до солнца лебедей!

В душе моей с легким укором
Звучит как забытый мотив:
— Махнуть бы куда-нибудь в горы,
Походный рюкзак прихватив!
Чтоб солнце, чтоб ветер навстречу,
Чтоб травы тянулись ко мне.
Чтоб плечи гудели под вечер
От тяжести жестких ремней.
Чтоб были жара и ненастье,
Цветы у тропы луговой,
Чтоб небо от грома на части
Раскалывалось
Над головой!
Чтоб грусть о красивой и строгой —
Любви моей верной сестра —
Делила со мною тревоги,
Присев отдохнуть у костра.
Чтоб думать о встрече нескорой
И чувствовать песню в груди...
Махнуть бы куда-нибудь в горы,
Походный рюкзак прихватив!

Вот и снова пора одеваться.
Вот и снова пора за порог...
Я не знаю, куда мне деваться
От моих бесконечных дорог.
По тому ли по склону крутому
Вновь карабкаться к залежам строф?
Уходя от родимого дома,
У чужих согреваться костров?
Или броситься в первый же поезд,
В разноцветье дорожных огней,
Будто в поиск, в отчаянный поиск
За спиною оставленных дней?
Или плыть к заходящему солнцу,
Где сливается с небом вода?
Все равно не уйти от бессонниц.
От себя не уйти никуда.
И нельзя разорваться на части
Или наскоро взяться за ум.
Только, может быть...
Может быть, счастьем
Люди эти дороги зовут?

Напрасно люди расстаются
От счастья, может, в двух верстах.
Одни с печалью остаются,
Другие мчатся в поездах.
Бездомно мечется тревога,
Вот-вот душа заголосит.
А эта чертова дорога
От сердца к сердцу колесит!

МОРЕ

Над улицей, знойной и душной,
В зенит восходила гроза.
Вдруг море плеснуло мне в душу,
Плеснуло, минуя глаза,
Ударило током прибоя,
Позвало взлететь в синеву!

Но цвета его не припомню.
Припомню, так не назову.
И кажется: слово немое
Упрямей прибрежных камней.
Но явственно слышу, как море
Встревоженно дышит во мне.

Наверно, так надо от века,
Чтоб сердце вздымала волна:
Недаром, как кровь человека,
Морская волна солона.

БУРЯ

День, июльским солнцем сожженный,
Угасал в перелесках.

Долго ждали рыбацкие жены
Звонких весельных всплесков.

Было тихо, как на рассвете.

Было тихо.

Но за мысом дремавший ветер

Вдруг гикнул лихо,

По воде пробежался дробью,

Вал вздымая,

И пошла кутерьма над Обью —

Да такая!

И сказал молодой художник,

Что за тыщу верст

Сюда приехал, быть может:

— Красотища!

День, июльским солнцем сожженный,

Пал в кипящую воду....

Горевали рыбацкие жены:

— Эх, погода!

Ф. А. Селиванову,
учителю моему

Ударит мысль—в одно касание.
И вот:
Сидишь, щеками желт.
Невероятный труд познания
Не от незнания тяжел.

Не оттого, что нету гения,
Не оттого...
И суть в другом:
Сильней земного тяготения
Вчера добытое трудом.

Но разум тем и жив,
Что гонится
Вслед за незнаемым,
За тем,
Чтоб в озаренной непокорности
Прорваться к новой высоте!

Густеет и сжимается пространство,
Как будто тишина перед грозой,
Когда в осенней ясности предстанет
Незамутненный дымкой горизонт.
И я страницы дней своих листаю:
Какое время года на дворе?
Они, как белые снежинки, тают,
На отрывном моем календаре.
Лишь молодость не признает учета:
Ей кажется, что хватит дней и дел.
А мне осталось столько, что со счета
Уже не сбиться, как бы ни хотел.
Приходит все не раньше и не позже.
Чем ближе вечер, тем длиннее тень.
Смогу ли так, чтоб каждый день был прожит,
Как будто это был последний день?

И солнцу свойственна усталость,
И у него в глазах темно.
Взгляни: еще чуть-чуть осталось —
И склонит голову оно.
Устанет ветер с тучей спорить —
Крыло бессильно, как обман.
И даже яростное море
На отдых прячется в туман.
Звезда устанет свет свой сеять —
Уйдет в пылающий рассвет.
И только сердцу, только сердцу
Покоя в этом мире нет.
Его не время источило,
А примиренья и бои.
Оно стучится и стучится.
Оно стучится и болит.
Его беда и радость колют
Сквозным ударом ножевым...
И я прислушиваюсь к боли,
И сознаю себя живым!

СЛОВА

Присыпанные слоем пыли,
Как придорожная трава,
Почти уверен я,
Что были
Уже на свете все слова.
Но вот опять:
За словом слово
Пишу я новую строку.
И слову каждому рад снова,
Как археолог черепку.
Но только кто меня научит,
Чтоб, отыскав, я так терял,
Чтоб кто-то вновь мои созвучья
Неповторимо повторял?

ЛАСТОЧКИ

Над моим балконом гнезда ласточек.
Что за семьи дружные у них!
Но я слышал: трепетно и ласково
По ночам тревожатся они.
Может, бед предчувствие неясное
Захлестнуло на душе кольцо,
Потому что завтра утром ястребы
Изведут неопытных птенцов?
Может, грозы загремят над крышами,
Молниями тихий мир кроя,
И почуют тоненькие крылышки
Хрупкую непрочность бытия?
Может, осени лицо неласковое
Им приснилось посреди весны?
...Над моим балконом —
В гнездах ласточкиных —
Тоже человеческие сны.

Стремят века неудержимый бег,
Меняются понятия и вкусы.
И все же постоянен человек
В одном своем пристрастии —
К искусству.
Среди осколков
Ищет он следы
Мучительного самовыраженья
И, затаив дыхание, следит
За древнею игрой воображенья.
Я понимаю: это неспроста.
Я понимаю:
В нем душа проснулась,
Когда сжигающая красота
К ней пламенем своим
Вдруг прикоснулась.

СЛУШАЯ БЕТХОВЕНА

Мелодии сверкающий ручей!
Я в изумленье
Перед каплей каждой.
Звучи, рояль,
Мне от твоих речей —
Как у колодца погибать от жажды.

Я весь как эхо на разломах гор,
Никем не узнаваемый и странный.
Но —
Атомно
Взрывается аккорд!
И вот —
Хаос клубится первозданный.

Снят с абсолютной истины покров.
И перед нею
Поздно на попятный.
И гибель, и рождение миров
Во всей непредставимости
Понятны!

ВНИМАНИЕ

Каждый час ненадолго
Смолкают морзянкины песни.
Напряженно
Зеленый на рации светится глаз,
Чтоб сигналы
Над кем-то взорвавшихся бедствий
Долетели до нас.
Долетели до нас.
Осторожно и тихо
В наушниках дышит планета:
Самолеты, летите!
Корабли, не срывайтесь на дно!
У радистов
На всех на шести континентах —
Будто сердце одно.
Будто сердце одно!
Не хочу, чтобы будни
Как дорожные будки мелькали.
Чтобы все мы спешили куда-то,
Друг другу руки не подав,
Я хочу, чтобы люди
Раз в день про свое умолкали:
Вдруг над рядом живущим
Нависла беда!

***

За лютость стуж спасибо январю,
Июню — за любой из полдней жгучих,
За все, за все я жизнь благодарю—
За небо голубое и за тучи,
За усталь отгорающего дня,
Что завистью к счастливым не чадила,
За то, что жизнь не берегла меня
И дней моих ни капли не щадила.
Спасибо ей за тихие леса,
Что в росах встрепнулись зябкой дрожью..
Я знаю,
Что землю стану сам.
И оттого —
Она еще дороже!

ПИРСИНГ ЭТЫРМА¹

Мансийскому художнику
И. Шешкину

Пирсинг Этырма — высокая гора,
Только белый снег да серый камень,
Утренняя алая пора
Над тобой клубится облаками.

А проснется ясноликий день —
Дум и дел моих
и цвет и завязь, —
Круторогий молодой олень
Пролетит,
едва снегов касаясь.

Пирсинг Этырма!

Ты, гора, крута!

Высь твоя доступна только смелым.
Нарты здесь звенят, как санквалтап²

---

¹ Мансийское название одной из гор Приполярного Урала.

² Мансийский национальный музыкальный инструмент.

Про атом догадался Демокрит.
А мир стоит. Стоит неодолимо.
А мир стоит. Стоит над миром крик,
Что, мол, частица каждая делима.
Открытие!

И нету городов.

И над землею горизонт грознеет...
Историю придумал Геродот,
Но старый мир — он в дикости коснеет
В разумные начала из начал
Неколебимо верил Аристотель.
Но вылетают пули по ночам.
И кто-то вновь в Афинах арестован.

ПУЛЬС

Гудит орган

возвышенно и грустно.

Парит «Ave Maria» бестелесно.

И пока...

Покачивается

Под самым куполом люстра,

Где дым от свеч —

скользящие облака.

Пока-покачи...

Пока-покачи...

Покачивается

вправо — влево.

Еще не различая удачи,

Следят за ней

глаза Галилео.

Еще глаза лишь...

Еще не разум...

Но разом —

Вокруг пусто.

Молчание.

И он отсчитывает по пульсу

Торжественное качание.
Двадцать ударов — вправо.
Двадцать ударов — влево.
Галилео, ты прав!
Ты прав, Галилео!
Так открыт был
маятника закон.

Случайно?

Ну и пусть!
Я не за случай.
Я за тот,
За Галилеев
пульс!

СОДЕРЖАНИЕ

«Я сегодня до ночи...»	5
Русские частушки	6
Подгорна	8
Балалаечка	10
«Опять душа...»	11
Позднее лето	12
«Дождик сыплет...»	13
«Российской речи...»	14
«Как я давно...»	15
«Робеет ли осинка...»	16
«Это там, в глухомани...»	17
Смерть охотника	18
Осень	20
В Обской губе	21
Балок	23
Карликовая березка	25
Витька Спиридонов	26
Последняя запись в полевом дневнике	29
«У ног моих...»	34
«В душе моей...»	35
«Вот и снова...»	36

«Напрасно люди расстаются...»	37
Море	38
Буря	39
«Ударит мысль...»	40
«Густеет и сжимается пространство...»	41
«И солнцу свойственна усталость...»	42
Слова	43
Ласточки	44
«Стремят века...»	45
Слушая Бетховена	46
Внимание	47
«За лютость стуж...»	48
Пирсинг Этырма	49
«Про атом догадался Демокрит...»	51
Пульс	52

Кукарский
Анатолий
Степанович

ПОЗДНЕЕ ЛЕТО

Редактор
С. Шумский
Художник
Л. Полстовалова
Художественный редактор
Я. Чернихов
Технический редактор
Т. Меньщикова
Корректор
Е. Журавлева

Сдано в набор 15/XI 1971 г.
Подписано в печать 8/II
1972 г. НС 12034. Бумага ма-
шинно-мелованная. Формат
84×108¹/₆₄. Усл. печ. л. 1,5.
Уч.-изд. л. 1,6. Тираж 7500.
Заказ 626. Цена 17 коп.

Средне-Уральское книжное
издательство, Свердловск,
Малышева, 24.
Типография изд-ва «Ураль-
ский рабочий», Свердловск,
пр. Ленина, 49.

НОВАЯ ЦЕНА

6

руб

—

коп.

17 коп.

Средне-Уральское
книжное издательство
Свердловск, 1972